

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40>

Исторический пространственно-временной континуум как антропологический феномен

Юрий Львович Сироткин

*Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Казань, Россия,
syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>*

Введение. Проблема человека как субъекта исторического пространственно-временного континуума актуализируется общественными трансформациями и сменой типов рациональности. Антропологическая природа пространства-времени обуславливает интерес к рефлексии над человеком как исторической индивидуальностью. Отечественная философская мысль обозначила повышенный интерес к пространственно-временной проблематике в российских реалиях XX в. Восприятие исторического времени в его повседневной событийности приближает к пониманию судеб общества в этот неподдающийся однозначной оценке период российской истории.

Методология и источники. Автор опирался на положения философской антропологии о человеческом измерении исторического времени и пространства. Исходной основой исследования явились положения авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума. Антропологический контент аналитики исторического пространства-времени предопределил использование системного, культурологического и аксиологического подходов. Системный подход определил применение источниковедческого, феноменологического и герменевтического анализа изучаемых явлений.

Результаты и обсуждение. В статье обосновывается значение антропоцентризма для понимания исторической индивидуальности. Предпринята попытка преодолеть крайности антропоцентрической и прогрессистской моделей исторического процесса на основе единства антропоцентризма, культуроцентризма и социоцентризма. История раскрывается как время и пространство самореализации ее субъектов. Понимание истории выводится из способности человека переживать и упорядочивать события. Утверждается необходимость инкорпорации личного времени и приватного пространства в исторический процесс в качестве его конструкторов. Показывается, что познание истории есть результат идентификации Я и Мы.

Заключение. Автор раскрывает тезис о человеке как исторической индивидуальности. Антропологическая природа исторического пространства-времени определяет смыслы, способствует упорядочиванию событийной повседневности субъектами истории, предоставляет возможность определиться с вектором познания истории.

Ключевые слова: антропологический феномен, историческая индивидуальность, историческое бытие, историческое время, историческое пространство, личное время, приватное пространство

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Исторический пространственно-временной континуум как антропологический феномен // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40.

© Сироткин Ю. Л., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Historical Space-Time Continuum as an Anthropological Phenomenon

Yurij L. Sirotkin

*Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Kazan, Russia,
syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>*

Introduction. The problem of human being as a subject of the historical space-time continuum is actualized by social transformations and the change of types of rationality. The anthropological nature of space-time determines the interest in reflection on human being as a historical individual. We could note an increased interest in spatial and temporal problems in Russian philosophical thought in the realities of the 20th century. The perception of historical time in its daily eventfulness brings us closer to understanding the fate of society in this period of Russian history that cannot be unambiguously assessed.

Methodology and sources. The author relied on the provisions of philosophical anthropology about the human dimension of historical time and space. The initial basis of the research was the provisions of the author's concept of the unity of a human being and the space-time continuum. The anthropological content of historical space-time analytics predetermined the use of systemic, culturological and axiological approaches. The system approach has determined the application of source studies, phenomenological and hermeneutic analysis of the studied phenomena.

Results and discussion. The importance of anthropocentrism for understanding historical individuality is substantiated. The author made an attempt to overcome the extremes of the anthropocentric and progressive models of the historical process on the basis of the unity of anthropocentrism, cultural centrism and sociocentrism. History is revealed as the time and space of self-realization of its subjects. The understanding of history is derived from a person's ability to experience and organize events. Also in the article is stated the necessity of incorporation of personal time and private space into the historical process as its constructs. It is shown that the knowledge of history is the result of the identification of I and We.

Conclusion. The author reveals the thesis about human being as a historical personality. The anthropological nature of historical space-time determines the meanings, contributes to the ordering of everyday events by the subjects of history, provides an opportunity to determine the vector of cognition of history.

Keywords: anthropological phenomenon, historical individuality, historical being, historical time, historical space, personal time, private space

For citation: Sirotkin, Yu.L. (2022), "The Historical Space-Time Continuum as an Anthropological Phenomenon", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 28–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40 (Russia).

Введение. Проблема природы пространственно-временного континуума в его эволюции неразрывно связана с антропологическими корнями, уходящими в период становления человечества и обретения человеком ареала присутствия. Антропологический контекстистики времени и пространства представляет исследовательский интерес как самостоятельная проблема философской антропологии, равно как и проблема философии истории (при анализе исторического времени и исторического пространства). Эвристический интерес представляет также соотносимость исторического пространства-времени и бытия индивидуальности, обретающей статус субъекта истории.

Полагаем, что постижение исторического времени оказывается неполным и, рискуем утверждать, неадекватным без антропологической составляющей его аналитики, результатом которой становится обретение историей человеческого лица. Человекомерность исторического процесса видится необходимым атрибутом оценочных суждений и становления человека как исторической индивидуальности.

Актуальность проблематики антропологической природы исторического пространства-времени обуславливается осознанием субъектами истории необходимости раскрыть ее индивидуальное измерение. Потребность в «человеческой мере» исторического процесса становится востребованной в общественном сознании. При изучении антропологического ресурса пространственно-временного континуума в коэволюционном ракурсе происходит расширение исследовательских полей – применительно к попыткам определиться с культурными практиками просьюмеризма [1], при разработке концепции «истинного времени» как общественно-исторической темпоральности [2], для ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности [3]. Появившиеся в последние годы работы существенно расширяют предметную проблематику, не ставя под сомнение эпистемологическую ценность предшествующих исследований [4–6].

Методология и источники. В статье использованы философские и публицистические тексты отечественных мыслителей XX в., посвященные антропологическому направлению аналитики пространственно-временного континуума в его исторической ретроспективе. В исследовании автор опирался на положения философской антропологии о человеческом измерении исторического пространства и исторического времени. Исходной основой принятого анализа явились смыслообразующие конструкты авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума (человекомерность исторического времени-пространства определяет его антропологическую природу; человек обретает смысл индивидуального бытия и со-бытия с Другим(ми) в проживании и преодолении пространства-времени; преодолевая антропологическое время, человек обнаруживает качество исторической субъектности и становится исторической индивидуальностью; настоящее есть реконструкционная основа актуализации исторического процесса и т. д.). Специфика анализа антропологического контента предопределила использование системного, культурологического и аксиологического подходов. Системный подход явился для автора интегративной основой, предполагающей применение источниковедческого, феноменологического и герменевтического анализа изучаемых явлений. Реконструкция исторических смыслов осуществлялась посредством структурного и сравнительного анализа. В качестве методов исследования использовались анализ, синтез, абстрагирование, интерпретация, обобщение, экстраполяция, метод аналогий.

Результаты и обсуждение. Антропология составляет один из концептов философской теории исторического бытия именно потому, что исторический процесс начинается с появления на ее сцене субъекта истории – человека. Антропоцентризм приобретает основополагающее значение для осмысления исторической проблематики, несмотря на его сложную судьбу в ходе становления и развития философии истории. Эпистемологическая значимость антропоцентризма определяется парадигмальной ролью темы отдельного человека в философско-исторических построениях.

«Тема человека, – констатирует И. Н. Сиземская, – вольно или невольно обращалась к вопросам и ценностной составляющей человеческого бытия, увязывающей воедино прошлое, настоящее и будущее, позволяя понять историю как общечеловеческий процесс» [7, с. 117].

Предлагаемая аналитика опирается на исходное положение историософии, согласно которому смысл истории обнаруживается в ее значении для человека, т. е. в том, насколько исторические события влияют на развитие человека и способствуют совершенствованию общественных форм жизни. Субъективный метод раскрыт в границах антропологического подхода. Оценочный субъективизм согласован с моральным сознанием. Этический критерий истории обрел значение аксиомы со времен Т. Н. Грановского и завершился «Философией истории» Л. П. Карсавина. Обоснованный нами ранее подход опирается на соотношение актуализации исторического субъекта в фактологической событийности и интеграции духа и смыслов эпохи. Применительно к субъекту речь идет об эмпирическом субъекте, существующем во времени, т. е. в наличном бытии. Исторический субъект воздействует на время, равно как историческое время актуализирует определенного субъекта или субъектотипы. Важно подчеркнуть, что история воздействует на человека как на объект, а человек творит историю в качестве субъекта, придавая индивидуальную окраску событиям, участником которых он являлся. Историческое измерение осуществляется посредством содержательно-процессуальной взаимозависимости субъективации – объективации – субъективации. Объективация субъекта осуществляется в событийно-фактологическом качестве. Иначе говоря, субъект объективируется в событийной фактологии и обретает новое качество субъективности (исторической субъектности). Совокупность субъектов, объединенных общими признаками, составляет социально-исторический субъектотип (типы субъекта/человеческие типы). Каждая историческая эпоха отличается от иной набором человеческих типов и их иерархией; наряду с исторической индивидуальностью они являются двигателями исторического времени. Движение истории ускоряется, если потенциал человеческих типов и индивидуального развития соответствует тенденциям общественной эволюции.

Мы проиллюстрировали сформулированные положения примерами реконструкции человека 30–80-х гг. XVI в., раскрыв влияние на исторический процесс сложившихся типов субъекта и показав роль исторических условий в их оформлении [8, с. 103–165]. На примере реконструированного образа человека конца XIX – начала XX вв. предложена аналитика «неудач становления доминирующего типа человеческой личности» для общества и государства [8, с. 165–200]. Попутно обратили внимание, что прогрессистская модель интерпретации исторического процесса содержала в себе идею о человеке как субъекте истории, который осуществляет деятельность в соответствии с необходимостью достижения социального идеала. Антиномическое единство антропологической и прогрессистской парадигм позволяет рассмотреть историческую индивидуальность как критическую и творческую личность, органически связанную с толкованием истории, которая становится объектом философской рефлексии. История, таким образом, предстает как время и пространство самореализации ее субъекта(ов) и их типов. В констатации изложенного мы ориентируемся на историософское наследие отечественных мыслителей и философов русского зарубежья XX в.

Обратимся к Д. С. Мережковскому, привлекая в союзники его авторитет как исторического романиста, и процитируем: «История – движение во времени. Время глубже пространства. Тело движется в пространстве, дух – во времени; в пространстве есть то, что есть; во времени – и то, что было, и то, что будет» [9, с. 349]. Пространственно-временной континуум антропологичен по своей сущности. Время субъективно, историческое время индивидуально. «Мы считаем время по часам и думаем, что оно для всех одно. Но для каждого человека – свое время, и все времена разные. Современники отделены друг от друга веками. Вот почему так трудно столкнуться» [9, с. 276].

Время – это мы; оно в нас и с нами. Историческое время определяет бытие настоящего и, согласно И. А. Ильину, приводится в движение «героями духовного видения» и «героями жизненного действия». «Герои духовного видения» как творческие силы являются воплощением исторической экспликации «предметной очевидности» [10]. «Герои жизненного действия» есть следствие «пневматической актологии»; она обозначает «учение о духовном делании» и представляет собой практическую деятельность в обществе, имеющем в качестве оснований духовные принципы. «Пневматическая актология» преодолевает историческое время посредством общественной активности. Историческое время, таким образом, двигается совместными усилиями героев духовного видения и жизненного действия.

Л. П. Карсавин констатирует: «Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [11, с. 30]. Для историка важно все, что воспроизводится и преобразуется сознанием человека. Субъективность расширяет пределы роста до всечеловечности, которая есть пространственно-временное всеединство. Таким образом, предметом истории становится «социально-психическое развитие всеединого человечества» [11, с. 98]. Человечество образует совокупное единство индивидуальностей. Человек, время и пространство обретают статус слагаемых истории. История индивидуальности переходит в историю вообще. Личность рассматривается в связи с эпохой, индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры; она для них «показательна», символична и характерна. Органичность перехода личности в историю обеспечивается соотносительностью со средой, временем, культурой и «общими проблемами человеческого духа» [11, с. 86]. Так образуется историческая индивидуальность, которую мы склонны рассматривать предельно конкретно, т. е. как человека, обладающего исторической субъективностью [8, с. 95–103], в отличие от более широкой трактовки обозначенного феномена Л. П. Карсавиным [11, с. 90–95].

Признавая за исторической индивидуальностью субъективность, мы антропологизируем исторический процесс и наполняем его духовным смыслом. История рассматривает человека и человечество в их духовно-душевной деятельности, а душевность признается основной стихией истории. Наряду с познанием конкретных индивидуумов, предметом познания является «коллективная историческая личность». Но это – трансцендентальная конкретность, познаваемая не иначе как в отвлеченности.

«Историк не чувствует нужды в коллективной индивидуальности, пока не столкнется с проблемой взаимодействия конкретных личностей» [11, с. 126]. В отличие от коллективной исторической индивидуальности, «всякая историческая индивидуальность ограничена в пространстве и времени; о всевременности и всепространственности ее надо говорить в пределах ее времени и ее пространства» [11, с. 135].

Развитие человечества как коллективной индивидуальности делает исторический процесс бесконечным. В ходе эволюции развивающееся человечество актуализируется через самопознание каждой его индивидуальности в границах ее исторического пространства и времени. Именно личность становится доминирующим критерием оценки исторического развития. Предпринятый экскурс подтверждает исходный тезис о том, что идея исторического прошлого как антропологического феномена имеет серьезные предпосылки и аналитические перспективы.

Историческое время принадлежит прошлому; оно обладает длительностью и поэтому имеет пространственные характеристики. События, случившиеся во времени, с трудом представляются пространственно. Сознание сфокусировано на факте, действии и результате. Хронология событий мыслится как настоящее, иначе событийность трудно сопережить. Время редуцируется имманентным сознанием, а события представляются такими, какими они видятся из настоящего. Временные границы исчезают, события приближаются и становятся такими, какими они могут быть представляемы в настоящем. «Так время сливается с пространством» [12, с. 109]. Факты прошлого представляются в сознании в качестве точек и являются вневременными и внепространственными. Вневременность и внепространственность образуют смысл как особое пространство и время (М. К. Мамардашвили). Напомним, что еще М. Хайдеггер через пространственное структурирование сознания показал, каким образом пространство и время совпадают в одной абсолютной точке имманентного восприятия. Для Хайдеггера это есть «особые схватывающие акты – акты рефлексии», которые направлены на акты «переживания» [13, с. 111]. У Хайдеггера время конечно. Только конечное время имеет историю.

По В. В. Биbihину, напротив, история должна включать целый мир, иначе она оборвется [4, с. 210]. Движение истории бесконечно; движение и история «не имеют времени кончаться» [4, с. 197], так как время полярно, а двунаправленному собиранию нет предела по причине направленности в сторону компактности точки и целости всего. Линия истории встроена в настоящее, и настоящим собирается историческое время. Человек не только собиратель, он – собранность. Насколько он собран, настолько историчен, иначе говоря, наполнен историческим временем. Линейное движение свидетельствует об исчерпанности антропологического ресурса истории, цикличное движение манифестирует о бесконечности исторического пространства.

Антропологический взгляд на историческое пространство-время инкорпорирован в традицию русской философии стремлением видеть историю как противоборство в человеке двух начал: природных и духовных. Грешная природа олицетворяет зло, духовное (Божественное) начало – добро. Это противоречие находится в человеке, бесконечное изменение которого необозримо в своей сущности (К. Ясперс). Путь преодоления – это путь к богочеловеку (В. С. Соловьев) и к концу истории в ее линейно-стадиальном видении. Блокирует «конец» множественность времени и соответствие между временем и культурно-историческим развитием конкретного общества.

Цивилизационный подход предлагает для исторического времени выход в бесконечность «культурных циклов» (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, Дж. Тойнби и др.). Воспользуемся свидетельствами Н. Я. Данилевского, который заложил основы культуроцентристской модели

исторического процесса [14]. Теория о культурно-исторических типах, без сомнения, культуроцентрична, так как основанием этих типов является духовная природа. Не преувеличивая, можно утверждать, что культура доминирует в типе. Поэтому «передать цивилизацию» можно лишь народу, усвоившему «культурные элементы» [14, с. 95]. Культура в триаде «человек – культура – социум» ценна как носительница особенного; она самобытна и преимущественно национально ориентирована. Напротив, в цивилизации доминируют элементы универсального. Цивилизация подавляет культуру, если не сохраняются «национальные начала». Без культуры народы становятся «этнографическим материалом», тогда как цивилизационные заимствования, которые стоят «вне сферы народности», полезны и необходимы. По Данилевскому, историческое развитие осуществляется «посредством самобытных национальных групп» [14, с. 113]. Иначе говоря, в историческом развитии значительную роль играет культурная составляющая, которая сохраняет цивилизационный потенциал. Для того чтобы стать участником исторического процесса, его субъектам необходим определенный уровень развития культуры, достаточный для оформления цивилизации. По Данилевскому, этот уровень предполагает четыре разряда культурной деятельности. В частности, деятельность культурная включает научно-теоретическую, эстетически-художественную и техническо-промышленную деятельность [14, с. 471–472]. Культурный заряд самопроявления, наряду с религиозным, политическим и социально-экономическим, является основополагающим в модели исторической эволюции. Взаимодействие культурно-исторических типов определяет ход истории и задает ей вектор. На этой исходной основе оформился известный подход пространственно-временной локализации явлений культуры, что не выглядит случайностью.

Взгляд на историю через культуру достаточно распространен. Не приходится сомневаться в продуктивности культуроцентристской парадигмы для анализа исторического процесса. Обратимся к творческому наследию еще одного отечественного мыслителя. Историческое пространство-время рассмотрено П. Н. Милюковым на широком культурном фоне. Пример П. Н. Милюкова выбран в качестве показательного потому, что он демонстративно дистанцировался от антропоцентризма и констатировал факт близости к основам «экономического материализма», нежели «к антропологическому мировоззрению его противников» [15, с. 13]. Не касаясь сложностей анализа понятий «культура» и «цивилизация», обратим внимание, что Милюков не противопоставляет эти понятия, а выстраивает их в последовательную линию эволюции [16, с. 467]. Вероятно, он был близок к заключению, что «народности», создавшие мировые культуры, могут рассчитывать на повышение их статуса до цивилизации. Но это всего лишь предположение, которым автор не склонен злоупотреблять.

Строго говоря, любая историческая конструкция включает культурную составляющую, место и роль которой, однако, неодинаковы в иерархии предпочтений. Известно, что исторический процесс делится на культуры (Средневековье, раннее и позднее Возрождение и т. д.). Л. П. Карсавин замечает, что исторический процесс предполагает сосуществование ряда культур, находящихся на различной стадии развития, а не только их смену. Во всевременном единстве культуры зарождаются, раскрываются и гибнут [11, с. 162–163]. Культура неотделима от исторической индивидуальности, так как идея культуры сосредоточена в ее психическом и духовном состоянии. Познание культуры осуществляется в пространстве

исторической индивидуальности. «Всякий момент данной культуры, являясь ее выражением, может служить для ее познания и характеристики». Культура познается «изнутри». Межкультурное взаимодействие лишь углубляет ее познание. Но главное: «Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе» [11, с. 167].

Для исторической науки важны, как минимум, три тезиса Л. П. Карсавина относительно культуры. Первый исходит из понимания субъекта культуры как исторической индивидуальности. Второй тезис – личность культуры есть индивидуализация всечеловеческой личности, что согласуется с положением о содержании истории как развития всеединого, всепространственного и всевременного субъекта. Третий тезис – культура полнее всего понимается в религиозном качестве. В соответствии с последним тезисом, подкрепленным выстроенной моделью развития исторической индивидуальности [11, с. 204–206], выделяется апогей развития человечества, связанный с расцветом определенной культуры.

В логике разворачиваемого анализа для нас представляется критически важным утвердить единство антропоцентризма, культуроцентризма и социоцентризма в эволюции исторического пространства-времени. В этом единстве системообразующую роль играет антропоцентризм. Исторический процесс триаден по своей природе и сущности, но имеет место специфическое влияние на его ход каждой из составляющих триады. Противоречия, присущие триадной структуре исторического процесса, снимаются человеком как исторической индивидуальностью, сохраняя его относительное единство, но не устраняются, обеспечивая бесконечное движение истории во времени и пространстве.

Историческое пространство-время рассматривается в настоящей статье в соответствии с положениями разработанной нами концептуальной модели единства человека и пространственно-временного континуума. Ее исходным основанием является концепт «человеческого измерения», который утверждает многомерность бытийно-временного пространства и сущностных проявлений человека при доминировании его духовных составляющих – иерархии смыслов, ценностей и норм [8, с. 82]. Антропологический ресурс исторического пространства-времени зиждется на утверждении духовной природы и сущности человека, так как духовная организация обладает уникальными пространственно-временными характеристиками. Двойственность человека как существа природного и духовного определяет двойственный характер истории.

Известный тезис о неизбежном ускорении исторического времени в его линейной модели (И. М. Дьяконов, С. П. Капица и др.) определяет динамику восприятия человеком его событийности и неизбежно приводит к страху перед неизвестностью. Однако, если принять во внимание гипотезу о многолинейной модели исторического времени (С. Н. Гринченко), то следует признать: интенсивность восприятия возрастает, расширяя границы возможностей человеческого сознания; ограничение восприятия снижает участие человека в историческом процессе. Гипотеза об ускоряющемся времени во многом проясняет ограниченность в проявлениях активности человека как исторической индивидуальности. Вместе с тем, благодаря переходу от повседневности к сакральному (или героическому) времени и пространству, человек имеет возможность заново воспринять и пережить исторические события [17]. Он присваивает духовные ценности, осваивает традиции и входит в мир культуры. Время

культуры обратимо, в отличие от астрономического времени. Человеческая жизнь определяется наряду с историческим, социальным и культурным хронотопом (А. Н. Лукин). Применительно к человеческому бытию мы говорим об одновременном включении и пребывании в историческом, социальном и культурном времени. Многомерность пространственно-временного континуума раскрывается через человека и изменяет его бытие.

Антропологический дискурс времени и пространства отчетливо артикулирован в современной отечественной философии. А. П. Донченко [5] считает, что время – общественное, культурное, историческое – выступает по отношению к индивидуальному времени субъекта как первичная (онтологически и аксиологически) реальность. Из этой событийности субъективное время черпает свое содержание. Для В. В. Бибикина [4] «время как выделение из вечности» субъективно и окрашено настроением. Окрашенное время принадлежит прошлому; оно есть «время не проснувшегося сознания», которое срывается в несуществующее время и мчится мимо времени, окрашенного как пора, т. е. мимо настоящего. Обращаясь к человеку, думающему о небытии в будущем и о небытии в прошлом, Н. Н. Трубников [6] констатирует спокойное отношение в одном и безутешность в другом, ибо, лишившись жизни, человек лишается и прошлого, и будущего. Прошлое и будущее исчезает вместе с исчезновением настоящего. Исчезает время и пространство.

Хотя пространство-время поддается реконструкции, но она ограничена нашими возможностями. Эпистемологически важное дополнение касается введения в пространство-время феномена борьбы между теми, кто опередил время, кто находится в настоящем и кто ищет опоры в прошлом. Но это уже иной дискурс.

Важно, что человеческий отсчет времени основан на осознании себя в мире и мира в себе. Такой отсчет переводит проблему пространства и времени в историко-антропологическую плоскость и задает иной вектор познавательного поиска, смысл которого может быть сведен к тому, что пространство и время, наряду с объективными представлениями, становятся в зависимость от человеческого сознания и выводятся из способности человека переживать и упорядочивать события, определять их последовательность.

Линейность исторического времени свидетельствует о том, что историческое сознание предполагает необратимое время. В целом же цикличность и линейность в отношении времени являются весьма условными характеристиками. Правы те, кто говорит об их сосуществовании. Л. Н. Михеева считает, что «внутри природного цикла присутствует линейность, а линия человеческой жизни, истории состоит из циклов, что отражает целостный характер восприятия действительности и времени, где линейность и цикличность не исключают друг друга» [18, с. 71].

Это важно учитывать при реконструкции исторического времени, так как оно представляется «связью событий» (Н. Н. Трубников), повторяющихся в различных условиях и обстоятельствах, но с неизменным участием акторов, отличительные особенности которых придают событийности своеобразный колорит, с изменяющимся пространственным ландшафтом. Человек реконструирует историческое пространство-время на основе его осознания, полнота которого стремится к адекватности воссоздания событийной канвы истории.

Событийность предполагает личное время, которое представляет собой «темпорально самоорганизующееся время рефлексующего человеческого сознания, имманентно объе-

диняющее прошлое, настоящее и будущее в каждом акте человеческой жизни» [19, с. 39]. Личное время инкорпорировано в историческое время как его автономная антропологическая характеристика. Велика его роль в самосозидании субъекта истории. Не менее важно, что личное время сопряжено с приватным пространством. Событийность творится приватностью, прежде чем очутиться в пространстве публичности. Очевидна ценность изучения влияния приватного пространства на принятие решений, определивших последующую событийность. Обратим внимание на важность знаний о приватном пространстве обыкновенного человека, которых явно недостаточно для объяснения мотивов, обстоятельств и причин массовых действий. В контексте нравственного критерия оценки исторического процесса подчеркнем значимость духовно-нравственного ресурса приватного пространства частной жизни для постижения глубинных смыслов действий исторических индивидуальностей [20, 21]. Не лишне напомнить, что в стабильные периоды исторического развития мораль большинства измеряется средними величинами, тогда как приоритетом кризисных ситуаций становится поляризация показателей (П. А. Сорокин).

Время отдельного человека как исторической индивидуальности конечно (прерывно). Однако человек не исчезает бесследно, а сохраняет свое присутствие в непрерывном историческом времени (памяти) в качестве результатов деятельности, в которой он реализовал собственное бытие. Тем не менее историческое – это гибнущее, но вечное во времени. Историческое бытие не продолжается вечно, но становится историей. Поступательное движение времени является «результатом всей коллективной истории, бесконечно воспроизводящейся в индивидуальных историях» [22, с. 135].

Историческое пространство-время как антропологический феномен познается посредством отождествления Я и Мы. Историческое время постигается человеком, но его постижение никогда не бывает полным и сколько-нибудь приближенным к адекватности; оно всегда фрагментарно и ограничено собственным горизонтом, за которым разворачивается событийность. Эта событийность оказывается скрытой, равно как и причинно-следственные связи, ее вызывающие. У потомков взгляд на историческое пространство-время широк, непредвзят и открыт. Потомки познают время путем исторической ретроспективы, которая позволяет идентифицировать Я и Мы как участника и одновременно свидетеля реконструируемых событий. Идентификация многоуровневая и основывается на сравнении предшествующих исторических эпох и последовавших за ними событий, вызванных действиями исторических индивидуальностей и социальных общностей, выступающих как исторические акторы (совокупные субъекты). В результате идентификации Я и Мы человек обретает чувство исторической действительности и событийной сопричастности.

Заключение. Обобщение приведенной аналитики позволяет заключить: историческое время и историческое пространство имеют человеческое измерение, что свидетельствует об их антропологической природе. Это дает основание для следующих обобщений. Выявление антропологического контекста исторического пространства-времени:

- углубляет представления о человеке как исторической индивидуальности и субъекте истории в плане постижения событийной повседневности;
- помогает избавиться от крайностей прогрессизма и социоцентризма и предложить модель исторического процесса на основе единства антропо- культуро- и социоцентризма;

– придает статус конструкторов исторического процесса личному времени и приватному пространству;

– дает возможность определиться с вектором познания истории как результата идентификации Я и Мы.

Антропоцентризм позволяет инкорпорировать культуроцентризм и социоцентризм в органическую целостность, задавая антропологическое направление анализа исторического процесса, лишённое линейной односторонности и утомительных поисков цикличной повторяемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конева А. В. Культурные практики просьюмеризма // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 54–64. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_54.
2. Гашков С. А. Историко-философские основания концепции социально-исторического времени Корнелиуса Касториадиса // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 44–53. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_44.
3. Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань: Казанский ун-т, 2010.
4. Бибихин В. В. Пора (время-бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015.
5. Донченко А. П. Фактор времени в нравственном становлении и развитии личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
6. Трубников Н. Н. О смысле жизни и смерти. М.: РОССПЭН, 1996.
7. Сиземская И. Н. Русская философия истории в поисках целостности исторического бытия: первая половина XIX в. // Философские науки. 2012. № 1. С. 115–128.
8. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско-антропологический дискурс. Казань: КЮИ МВД России, 2017.
9. Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001.
10. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
11. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993.
12. Счастливец Е. А. Эдмунд Гуссерль: интеллектуальные баталии с Густавом Шпетом. СПб.: Инфо-да, 2006.
13. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
15. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994.
16. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994.
17. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
18. Михеева Л. Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. № 2. С. 69–78.
19. Здерова О. В. Время как субстанциональное начало в культурном пространстве архаичной мифологии // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2005. № 3. С. 38–48.
20. Сироткин Ю. Л. Духовно-нравственные ресурсы приватного пространства частной жизни // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 74–78.
21. Сироткин Ю. Л. Антропоцентрический принцип категоризации приватного пространства // Вестн. КазГУКИ. 2019. № 4. С. 6–14.

22. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Информация об авторе.

Сироткин Юрий Львович – кандидат социологических наук (2000), доцент (2012), преподаватель Казанского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ул. Фатыха Амирхана, д. 12а, г. Казань, Республика Татарстан, 420103, Россия. Автор 79 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, философия человека.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.09.2021; принята после рецензирования 28.12.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Koneva, A.V. (2021), "Cultural practices of prosumerism", *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, no. 1, pp. 54–64. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_54.
2. Gashkov, S.A. (2021), "Historical and philosophical foundations of the socio-historical time concept by Cornelius Castoriadis", *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, no. 1, pp. 44–53. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_44.
3. Salikhova, N.R. (2010), *Tsennostno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti* [Value-semantic organization of the personality's living space], Kazanskii un-t, Kazan, RUS.
4. Bibikhin, V.V. (2015), *Pora (vremya-bytie)* [It's time (time-being)], Vladimir Dal', SPb., RUS.
5. Donchenko, A.P. (1988), *Faktor vremeni v npravstvennom stanovlenii i razvitii lichnosti* [The time factor in the moral formation and development of personality], Izd-vo LGU, Leningrad, USSR.
6. Trubnikov, N.N. (1996), *O smysle zhizni i smerti* [On the meaning of life and death], ROSSPEN, Moscow, RUS.
7. Sizemskaya, I.N. (2012), "Russian Philosophy of History in Search of the Integrity of Historical Being (Period of the First Half of the 19th century)", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 1, pp. 115–128.
8. Sirotkin, Yu.L. (2017), *Chelovek i vremya. Filosofsko-antropologicheskii diskurs: monografiya* [Man and time. Philosophical-anthropological discourse: monograph], KYul MVD Rossii, Kazan, RUS.
9. Merezhevskii, D.S. (2001), *Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914; Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [It was and will be. Diary. 1910–1914; Non-military diary. 1914–1916], Agraf, Moscow, RUS.
10. Il'in, I.A. (1993), *Put' k ochevidnosti* [Way to evidence], Respublika, Moscow, RUS.
11. Karsavin, L.P. (1993), *Filosofiya istorii* [Philosophy of history], Komplekt, SPb., RUS.
12. Schastlivtseva, E.A. (2006), *Edmund Gusserl': intellektual'nye batalii s Gustavom Shpetom* [Edmund Husserl: intellectual battles with Gustav Shpet], Info-da, SPb., RUS.
13. Heidegger, M. (1998), *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*, Transl. by Borisov, E., Vodolei, Tomsk, RUS.
14. Danilevskii, N.Ya. (1991), *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], Kniga, Moscow, RUS.
15. Milyukov, P.N. (1994), *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3-kh t. T. 2. Ch. 1* [Essays on the history of Russian culture: in 3 vol. Vol. 2. Part 1]. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress – Kul'tura»,
16. Milyukov, P.N. (1994), *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3-kh t. T. 2. Ch. 1*. [Essays on the history of Russian culture: in 3 vol. Vol. 2. Part 2], Progress–Kul'tura, Moscow, RUS.
17. Eliade, M. (1994), *Le sacre et le profane*, Transl. by Garbovskii, N.K., Izd-vo MGU, Moscow, RUS.
18. Mikheeva, L.N. (2004), "Measuring time in Russian", *Philological Sciences*, no. 2, pp. 69–78.
19. Zdereva, O.V. (2005), "Time as a Substantial Beginning in the Cultural Space of Archaic Mythology", *The Bulletin of Moscow State Univ. of Culture and Arts*, no. 3, pp. 38–48.
20. Sirotkin, Yu.L. (2019), "Spiritual and Moral Resources of Private Space in Personal Life", *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, no. 1, pp. 74–78.

21. Sirotkin, Yu.L. (2019), "Anthropological principle of private space categorization", *Bulletin of Kazan State Univ. of Culture and Arts*, no. 4, pp. 6–14.

22. Bourdieu, P. (2005), *Espace social: champs et pratiques*, Transl. by Shmatko, N.A., Institut eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, Moscow, SPb., RUS.

Information about the author.

Yuri L. Sirotkin – Can. Sci. (Sociology) (2000), Docent (2012), Lecturer, Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice, 12a Fatykh Amirkhan str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420103, Russia. The author of 79 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of man.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 03.09.2021; adopted after review 28.12.2021; published online 22.04.2022.*